

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

11 ИЮЛЯ 1944 Г.
ВТОРНИК
№ 163 (6220)

Цена 20 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

Антон Павлович Чехов

К 40-летию со дня смерти

ЧЕХОВ не любил говорить о себе. Когда его просили написать автобиографию, он кратко и сухо писал: родился тогда-то, учился там-то, издал такие-то сборники рассказов, поставил столько-то пьес. Человек великой скромности, он тему о себе считал самой неинтересной из всех возможных тем. Но однажды, в частном письме, он рассказал о себе необыкновенно ярко, горячо и откровенно, хотя по обыкновению очень кратко. Он говорил о своей жизни, как о трудной повести «о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, ходивший по урокам без калош... как этот молодой человек выдвигал из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

В этих откровенных и благородных словах заключена история, раскрыт смысл всего жизненного и творческого пути Чехова. Высшее устремление Чехова-писателя, рассказавшего в своих повестях, рассказах и пьесах сотни биографий своих современников, в том и состояло, чтобы каждый из этих русских людей изменил свой жизненный путь так, как изменил его сам Чехов: «выдав из себя по каплям раба», почувствовал бы в конце концов, что в нем бьется сердце свободного человека.

Всю жизнь ненавидел Чехов темноту и невежество, ложь и насилие — все, что мешает жить и расти русскому человеку.

«Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах», — писал он в 1888 году, — мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Чехов и был большим художником, наследником Тургенева и Льва Толстого, художником, в каждом своем произведении державшимся этой высоко-человеческой и вместе глубоко-народной программы.

Тот, кто словом или делом, в искусстве или в жизни развивал противоположную программу — зла и насилия, всевозможного посягательства на независимость человека, на свободу его мысли, на угнетение его воли, на принижение его духа, — тот имел в Чехове непримиримого противника.

Эта программа Чехова была высоким художественным творчеством, чуждым всяким схем, тенденций, прописей, подсказываний читателю. Живая жизнь ключом билась в рассказах Чехова. Когда появились первые его юмористические рассказы, смех, безудержный, светлый и жизнерадостный смех так же пронесся по России, как при появлении первых рассказов Гоголя, когда наборами помирали со смеху, набирая «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В смехе Чехова было высокое утверждение жизни. В его первых рассказах, — а прошло 64 года с тех пор, как появился первый из них: «Письмо докторского помещика к ученому соседу» (1890), — до сих пор звучит, не умолкая, веселый привет здоровью, молодости, радости бытия, и этот светлый, бодрый колорит молодых чеховских рассказов никогда не исчезнет из них. Над ними весело смеялся суровый Лев Толстой, а Репин рассказывал о том, как изнывавшего в смертельной гошке Гаршина буквально согревал мягкий, ласковый юмор чеховских рассказов.

Толстой однажды сказал про Чехова: «Чехов это Пушкин в прозе». А Пушкин — величайший русский поэт — был велик своей несокрушимой верой в жизнь, был вечно молод своею жаждою жизни, своей любовью к ее неисчерпаемости. И, сравнивая Чехова с Пушкиным, автор «Войны и мира» хотел сказать, что Чехов унаследовал у великого поэта прекрасную ясность художественной формы, необыкновенную чистоту языка, мудрую простоту повествования и главное — его внутреннюю убежденность в том, что жизнь неисчерпаема в своей действительной силе и прекрасной красоте.

В таких сборниках рассказов, как «В сумерках» (1888), «Хмурые люди» (1890), в таких повестях, как «Скучная история» и «Палата № 6», веселый смех Чехова сменяется то скорбной усмешкой, то горьким раздумьем над темными сторонами русской жизни. «Где я, боже мой!» — восклицает один из чеховских героев. — «Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума».

В изображении отрицательных явлений русской дореволюционной действительности Чехов достиг огромной силы и широты обобщения. Подобно Гоголю с его Чичиковым и Собакевичем, Чехову удалось достигнуть в своих образах такой художественной и сатирической силы, что некоторые его образы, как, например, «Унтер Пришибеев» или «Человек в футляре», прочно вошли в быт, в разговорную речь народа. Образами Чехова неоднократно пользовались в своих статьях В. И. Ленин и И. В. Сталин, что достаточно ярко свидетельствует о неумирающей силе и жизненности чеховских образов.

В своих рассказах, повестях и драмах, во всем, что он писал, Чехов оставался верен тому назначению, которое признавал за художественной литературой: «Ее назначение — правда безусловная и честная... Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек, обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью».

Но «правда безусловная и честная» для Чехова была не в том, чтобы описывать жизнь факт за фактом, явление за явлением, высшая правда была для Чехова в том,

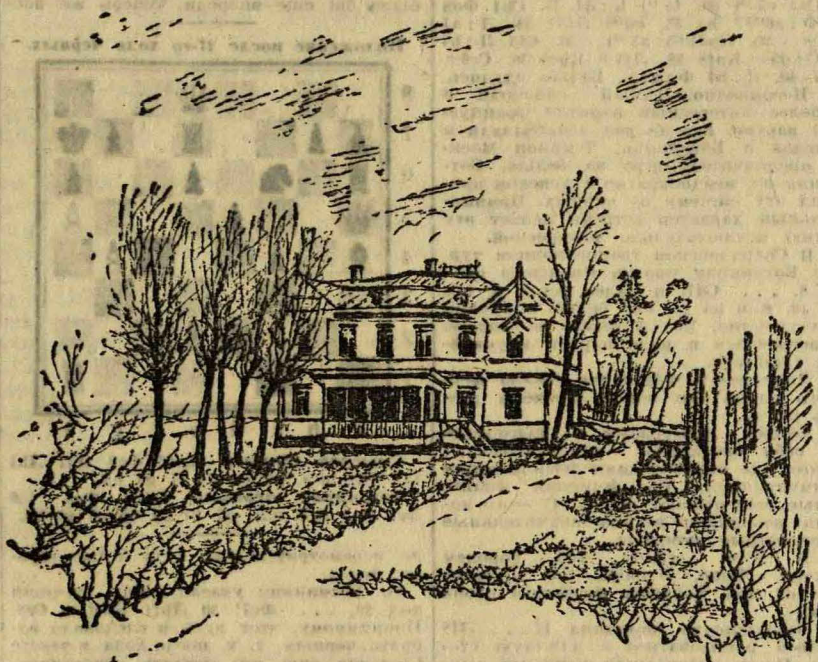
при человечества не в прошлом, а в будущем.

«Можете быть уверены, что наступят лучшие времена! Пусть я выражаюсь пошло, смеетесь, но воскрестет заря новой жизни, восторжествует правда и — на нашей улице будет праздник! Я не дожусь, иссохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Приветствую их от всей души и радуюсь, радуюсь за них!».

Это говорит один из незаметных людей в одной из самых мрачных повестей Чехова («Палата № 6»). Но это та вера, какой Чехов хочет одушевить сердце, раскрыть волю каждого из русских людей, сплотив их в единой радостной работе для будущего.

Чем ближе подходило время к преддверию революции 1905 года, тем сильнее звучали у Чехова мотивы бодрости, веры в жизнь, надежды на ее обновление. «Каждый новый рассказ Чехова, — писал Горький в 1900 году, — все усиливает глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

С особой призывной звучностью эти ноты зазвучали, слились в главную мелодию в драматических произведениях Чехова, нашедших свою

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова. Усадьба К. С. Станиславского — Любимовка (ст. Тарасовка). В этом флигеле происходили первые спектакли Московского Художественного театра. Здесь в 1902 году А. П. Чехов встречался с К. С. Станиславским.

Рисунок с натуры худож. А. РУДОВИЧ-КОРСАКОВОЙ.

чтобы, развертывая перед читателем жизнь такой, какова она есть, воспитать в нем сознание, что такая она быть не должна. Чехов — не описатель «хмурых людей» и жизни «в сумерках», он всюду и везде ее отрицатель. Каждый рассказ его или пьеса — это одушевленный призыв к труду во имя новой жизни.

«Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку».

Человеку нужны не три аршина усадьбы, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свои свойства и особенности своего духа».

Эти слова из одного рассказа Чехова могли бы стать эпиграфом ко всему его творчеству.

В них во всю полноту мысли и чувства звучит глубокое убеждение, светлая вера Чехова в то, что человек — больше, лучше и прекраснее того, каким он проявил себя в истории и проявляет в действительности, что лучшие страницы исто-

жизнь на сцене Художественного театра, которому суждено было первому раскрыть в Чехове великого поэта, раздвигающего пределы хмурым действительности для творческой мечты о будущем.

«...Жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец...».

Когда эти слова доносились со сцены на спектакле «Трех сестер», поставленном в 1901 году, они звучали призывно. Они призывали к преодолению настоящего (а настоящее было тогда далеко не радостно!), они развешивали перспективу жизни в будущее и звали всех — от писателя до рабочего — «готовиться» к этому будущему, работая в настоящем.

Но с тех же подмостков, в той же пьесе, тогда же раздались еще более властные, смелые слова:

«Пришло время, надвигается на

всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25, 30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

История сократила этот срок. Всего через четыре года раздался грозный удар первой революции, а еще через двенадцать лет разразилась «здоровая, сильная буря» Великой Октябрьской социалистической революции, обновившей всю нашу жизнь.

«Вишневый сад», поставленный 17 января 1904 года, был последним торжеством и лебединой песней Чехова.

Вся пьеса «Вишневый сад» — это единый, одушевленный призыв не только к новой жизни, но и к усильной борьбе за нее:

«Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед!.. Вся Россия — наш сад».

В последней пьесе Чехова свойственное ему чувство «будущего» превращается уже в живое ощущение нового «настоящего». Чехов не произнесил слова «революция», но он так писал тогда о России, что чувствовалось, что это слово уже произнесено жизнью.

Еще в 1898 году один из героев Чехова («Моя жизнь»), размышляя над русской действительностью той поры, утверждал строго и просто: «Тут нужны другие способы борьбы, сильные, смелые, скорые. Если в самом деле хочешь быть полезен, то выходи из твоего круга обычной деятельности и старайся действовать сразу на массу». А другой герой Чехова (в последнем его рассказе «Невеста», 1903) говорит: «Главное — перевернуть жизнь, а все остальное не нужно».

О чем эти слова, как не о революции, не названной по имени, но уже живущей в мыслях, чувствах, устремлениях лучших людей современности?

Один из близких к Чехову людей, совершеннейший воплощенный на сцене его образов и пьес, К. С. Станиславский говорил о Чехове:

«Он один из первых почувствовал неизбежность революции. Один из первых дал тревожный звонок. Кто, как не он, стал рубить прекрасный цветущий вишневый сад, сознав, что время его миновало, что старая жизнь бесспорно осуждена на слом».

Человек, который задолго предчувствовал многое из того, что теперь совершилось, сумел бы принять все предсказанное им».

И прежде всего, думается, Чехов понял бы и принял бы в нашей жизни то, что в ней самое основное, что определяет ее лицо, обращенное к истории.

Чехов всегда и во всем был строителем жизни. «Всякое новое полезное начинание, зарождающееся учение, общество или проект нового театра, библиотеки, музея являлись для него подлинным событием. Так сильно он искал во всем предвестников будущей русской и всечеловеческой культуры» (Станиславский).

Что же должен был бы ощущать Чехов теперь, среди нас, когда идет не строительство одного музея или нового театра, а когда весь народ, все искусство и наука вовлечены в строительство новой жизни, когда нет такого дела в настоящем, в котором не вкладывалась бы забота о будущем?

В одно из самых глухих десятилетий русской истории, в конце 80-х годов, Чехов писал:

«Люди подвига... Такие люди во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели свое громадное воспитательное значение. Их идейность, благородное честолюбие, имеющие в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие... делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».

Какие бы слова нашел Чехов теперь для тех «людей подвига, веры и ясно осознанной цели», которых он пытался найти в тусклом безвременье 80-х годов и которых в таком гордом, прекрасном обилии нашел бы теперь, в героическую эпоху отечественной войны, среди защитников родины и строителей ее великой культуры?

С глубокой верой в счастливое будущее своей страны и народа, со страстной мечтой о том времени, когда будет «вся Россия — наш сад, цветущий и прекрасный, умер Чехов 40 лет назад. Последние дни его жизни были омрачены горькой тоской по родине, по русской жизни, которую он с любовью и гордостью противопоставлял окружающей его обстановке тупого и пошлого немецкого филистерства. «Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса», — писал Чехов о виденном им в Германии. — Наша русская жизнь гораздо талантливее».

В Баденвейлере, где умер Чехов, был воздвигнут ему памятник на средства, собранные Московским Художественным театром. В самом начале войны 1914 года немцы разрушили памятник Чехову, воспользовавшись его бронзой для снарядов, посылаемых на русский фронт.

В наши дни немцы продолжали свою борьбу с Чеховым. В Таганроге и Ялте, на родине Чехова и в городе, где прошли последние годы его жизни, немцы сделали все, чтобы истребить его память, чтобы осквернить места, связанные с его жизнью и творчеством.

Но борьба оказалась тщетной. Победил и побеждает Чехов и его народ.

40-летие со дня кончины Чехова русский народ отмечает в дни побед над врагом его родины. Сегодня мы с особой гордостью произносим имя Чехова, замечательного русского человека и писателя, все творчество которого было неустанным призывом к победе мысли и совести над насилием и произволом, к напряженной борьбе за светлое будущее.

С. Дурюлин.

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова. В Таганрогском литературном музее имени Чехова.

Фото Н. ФИГУРИКИНА (ТАСС).